

Тимур.
Железный Гонец.

Дамир Янсуфин
Тимур. Железный Гонец

«Автор»

2026

Янсуфин Д.

Тимур. Железный Гонец / Д. Янсуфин — «Автор», 2026

1244 год. В степях Золотой Орды рождается мальчик, которому суждено изменить представление человечества о мире. Он с детства не может усидеть на месте, он чувствует лошадей как никто другой, а его вопросы ставят в тупик старейшин. Судьба ведёт его от простого курьера до личного гонца великих ханов. Но однажды ханская экспедиция, в которую он отправляется, попадает в тайфун. Корабль гибнет. Тимур остаётся один в бескрайнем океане. А когда волны выбрасывают его на неведомый берег, он понимает: он попал в земли, о которых никто в Старом Свете даже не слышал. Так начинается величайшее путешествие XIII века. От Огненной Земли до Великих Прерий, от пирамид майя до Гранд-Каньона, от полярной ночи Аляски до ледяного Берингова пролива. Тимуру предстоит в одиночку пройти там, где не ступала нога человека, и найти дорогу домой. Основанная на дерзкой гипотезе о доколумбовых контактах, эта история балансирует на грани исторического романа и красивой легенды. Это гимн человеческой выносливости.

© Янсуфин Д., 2026

© Автор, 2026

Дамир Янсуфин

Тимур. Железный Гонец

Тимур. Железный Гонец.

История, которую не расскажут в школе.

1244 год. В бескрайних степях Золотой Орды рождается мальчик, которому суждено изменить представление человечества о мире. Его зовут Тимур. Он с детства не может усидеть на месте, он чувствует лошадей как никто другой, а его вопросы ставят в тупик старейшин. Судьба ведёт его от простого курьера до личного гонца великих ханов — Бату, Мункэ, Хубилая.

Но однажды ханская экспедиция, в которую он отправляется, попадает в тайфун. Корабль гибнет. Тимур остаётся один в бескрайнем океане. А когда волны выбрасывают его на неведомый берег, он понимает: он попал в земли, о которых никто в Старом Свете даже не слышал.

Так начинается величайшее путешествие XIII века. От Огненной Земли до Великих Преград, от пирамид майя до Гранд-Каньона, от полярной ночи Аляски до ледяного Берингова пролива. Тимуру предстоит в одиночку пройти там, где не ступала нога человека, — и найти дорогу домой.

Основанная на дерзкой гипотезе о доколумбовых контактах, эта история балансирует на грани исторического романа и красивой легенды. Это гимн человеческой выносливости, любопытству и неутолимой жажде горизонта.

Пролог: Дитя Великой Степи

В год 642-й от Хиджры (1244-й от Рождества Христова), когда дыхание Великой Степи было особенно сухим и горячим, в одном из улусов Золотой Орды, что раскинул свои шатры у изгиба величественного Итиля, родился мальчик. Нарекли его Тимуром, что значит «Железный». Имя, как это часто бывает, выбрало своего хозяина, а не наоборот.

Он появился на свет под рокот копыт и скрип кибиток. Его первой колыбелью стала продубленная ветрами кошма, а первой песней — не материнская колыбельная, а заунывный, но полный скрытой силы напев степного шамана-бахсы, что камлал у соседнего костра. Уже тогда старый Угэдэй, прадед мальчика, славный охотник, взглянув на младенца, покачал головой:

— В его глазах горит не просто огонь жизни. Это пламя будущих костров. Крепкие жилы у парня, и дух в нем будет непокорный, как у степного марала. Да хранят его Вечное Синее Небо и духи предков.

Глава 1: Стальной конь и пытливый ум

Тимур рос не по дням, а по часам. В три года он уже крепко сидел в седле, а в пять — мог объездить самого норовистого жеребенка. Его тело, казалось, было вылеплено из той же глины, что и первые люди: **нечеловеческая выносливость** позволяла ему целый день скакать под палящим солнцем без капли воды, а **природная сила** — на полном скаку поднимать с земли барашка.

Но главным сокровищем мальчика был его **острый и пытливый ум**. Он не просто слушал сказания стариков у очага — он задавал вопросы, от которых те приходили в замешательство.

— Почему Итиль течет на юг, а не на север? — спрашивал он, вода прутиком по песку.

— Так распорядились духи воды, — отвечали ему.

— Но что они за духи, если не могут пустить реку туда, где в ней больше нужды?

Или другое. Он мог часами сидеть у кузнеца, глядя, как кусок болотного железа превращается в сверкающий наконечник стрелы.

— Дядя Каир, — окликнул он однажды кузнеца, морща лоб, — ты бьешь по горячему металлу, и он становится крепче. Если я буду бить себя по руке, станет ли моя кожа как сталь? Каир рассмеялся, отложил молот и, вытирая пот со лба, ответил:

— Нет, Тимур-джан. Кожа твоя покроется синяками. Сталь крепнет от злости, человек — от знаний. Ты, я смотрю, хочешь выковать свой мозг, а не меч. Это куда сложнее. Молотом не поможешь.

Эта страсть к сути вещей и привела к тому, что он **любил лошадей** не просто как средство передвижения, а как братьев по духу. У него был любимый конь, вороной Ой-Барс (Лунный Барс), подаренный отцом. Конь был дик и никого к себе не подпускал. Но Тимур не стал его ломать. Две недели мальчик просто приходил в загон, садился у изгороди и читал вслух старинные героические сказания. На пятнадцатый день Ой-Барс сам подошел и ткнулся мордой в плечо мальчика.

— Ты говоришь с ним на языке терпения, — заметил отец. — Это язык, недоступный многим воинам.

Глава 2: Зов горизонта

Жажда приключений гнала Тимура прочь от родного стойбища. **Бывало, что он ускакивал на них очень далеко**, в самое сердце степи, где небо касается земли, а трава скрывает всадника с головой. Но **так как был умен, всегда находил дорогу обратно**. В этом не было колдовства. Он не запоминал дорогу как череду поворотов; он читал степь, как мулла читает Коран.

— Смотрите, — говорил он другим мальчишкам, когда они впервые отважились поехать с ним. — Видите, как ковыль клонится? Сегодня ветер с востока, он задувает нам в левую щеку. Значит, обратно поедем так, чтобы ветер дул в правую. Видите сурчиные норы? Они все смотрят на полдень, боятся северного ветра. А ночью я найду дорогу вон по той звезде, что сидит на плече у Небесной Кобылицы.

Однажды его поиск приключений завел его так далеко, что даже Ой-Барс начал уставать. Степь сменилась сухой, потрескавшейся землей, усеянной черными камнями. Это было место, которое называли Балбал-Таш — Каменные Бабы. Огромные древние истуканы с плоскими лицами и сложенными на животе чашами высились над землей, словно безмолвные стражи забытого времени. Никто из его рода не забирался сюда. Здесь было тихо, даже птицы не пели.

Тимур спешил, чувствуя странное волнение. В центре круга истуканов он увидел каменную плиту, заросшую мхом. Стерев мох, он обнаружил странные, высеченные рунами письмена, не похожие ни на арабскую вязь, ни на уйгурские знаки, которые он немного знал.

— Кто вы? — прошептал он, обращаясь к каменным лицам.

И вдруг ему показалось, что в шуме ветра он услышал ответ. Не слова, но образы: бескрайние караваны, повозки, запряженные волами, и люди с лицами, такими же плоскими, как у этих статуй, идущие от востока к закату с молниями в руках.

Внезапно земля под ногами мелко задрожала. Это не было землетрясением. Степь учила его распознавать вибрации. Это была тяжелая конница. Много людей. Чужих.

Тимур вскочил на Ой-Барса и, пригнувшись к его шее, помчался навстречу ветру. Он не боялся. Его сердце пело. Степь бросала ему вызов, и он принимал его. Найдя укрытие в глубокой балке, он переждал, пока по степи, словно туча, пронесется отряд вооруженных всадников в незнакомых доспехах. Они шли в сторону его родного улуса.

Дорогу назад он нашел уже в полной темноте, ориентируясь по запаху дыма от далеких очагов. Когда на рассвете он въехал в стойбище, его встретила переполошенная мать.

— Безумец! Где ты был? — в ее голосе смешались страх и облегчение.

— Я видел каменных людей, мама. И живых людей с железными лицами, что идут войной на закат, — ответил он, и взгляд его пылал недетской серьезностью. — Нам нужно предупредить отца.

В этот момент из шатра вышел отец, встревоженный и мрачный. Он уже знал о чужаках. Но, услышав слова сына о каменных истуканах и странных всадниках, он замер. Он понял: его сын привез не просто весть. Он привез предзнаменование. Железный мальчик Тимур, рожденный для великих дел, впервые почувствовал на своих плечах тяжесть не только нечеловеческой силы, но и судьбы, что звала его к горизонтам, за которыми скрываются империи.

Глава 3: Тот, кто обгоняет ветер

Двадцать весен отмерило Вечное Синее Небо над головой Тимура. Из угловатого подростка он превратился в юношу, чья фигура, казалось, была выточена из корня старого карагача — такая же жилистая, несокрушимая и полная скрытой жизни. **Нечеловеческая выносливость** никуда не делась, лишь закалилась, как добрый клинок. А **природная сила** позволяла ему на спор поднимать годовалого верблюжонка, чем он иногда потешал друзей на праздниках.

Но любовь к лошадям и зов горизонта не ослабевали, а лишь крепили, как старое вино. Ему было тесно в улусе. Он не хотел просто пасти овец или даже ходить в набеги. Его **острый и пытливый ум** требовал иного применения. И судьба, словно услышав его мысли, подарила ему возможность.

Однажды в их стойбище прибыл важный джагун — сотник ханской гвардии, седой, со шрамом через все лицо, по имени Кара-Булат. Он искал гонцов для ханской ямской службы — тех, кто будет развозить указы, депеши и тайные послания по бескрайним просторам улуса Джучи, что ныне называют Казахской степью.

Услышав это, Тимур, не раздумывая, выступил вперед. Кара-Булат скептически оглядел юношу с ног до головы, хмыкнул и процедил сквозь зубы:

— Много вас, горячих. Каждый думает, что родился в седле. А что ты умеешь, мальчик, кроме как красиво гарцевать?

Тимур не стал хвастаться силой. Он лишь спокойно, с достоинством ответил:

— Дозволь мне показать, почтенный. Дай мне любой пакет, и скажи, куда его доставить. Если не успею к сроку, что ты назначишь, — пеняй на меня, и я больше не покажусь тебе на глаза.

Сотник, заинтригованный такой спокойной уверенностью, согласился. Он дал Тимуру простой кожаный тубус с учебным указом и отправил его в соседнее стойбище, до которого было полдня хорошего галопа. Вернуться он должен был к закату. Тимур выслушал задание, кивнул и, вскочив на Ой-Барса, исчез в облаке пыли.

Закат уже догорал, и Кара-Булат с усмешкой качал головой, уверенный, что юноша где-нибудь застрял. Но вдруг дежурный воин крикнул:

— Всадник!

Тимур не просто вернулся. Он вернулся с ответным пакетом в руке. И когда он спешился, его лицо было свежим, дыхание ровным, а Ой-Барс даже не вспотел по-настоящему.

— Как?! — выдохнул пораженный сотник. — Ты не мог обернуться так быстро! Это колдовство?

Тимур усмехнулся и, достав из-за пазухи свернутый кусок выделанной кожи, расстелил его на земле. Это была примитивная, нацарапанная углем карта.

— Никакого колдовства, уважаемый. Просто вот здесь, у Красного оврага, дорога делает большую петлю, огибая болотце. Но я знаю, что в этом месте, если проехать по руслу пересохшего ручья, можно сократить путь почти на четверть. А еще я знаю, где находятся все водопой, чтобы не терять время на поиски.

Кара-Булат долго смотрел на карту, потом на Тимура, и шрам на его лице дернулся от улыбки.

— Ты принят, парень. Имя твое я запомню. Быть тебе главным гонцом, да продлятся твои дни.

Глава 4: Крылья Золотой Орды

Так Тимур стал курьером. Его мир теперь простирался от Итиля до берегов Сырдарьи. Он передавал указы местным чиновникам-даругам, вел переписку между богатыми купцами-уртаками и мастерами-оружейниками в кузницах, что стояли на караванных путях. Но вскоре местные жители начали замечать нечто странное. Тимур появлялся на горизонте тогда, когда его никто не ждал.

Вот, скажем, в Сыгнаке, славном городе на караванном пути, коптил небо над своей кузницей старый Уста Рашид. Он ждал из ставки важный заказ на особую сталь для ханских сабель. Ему сказали, что гонец будет только к следующему полнолуннию — так всегда было.

И вдруг, спустя всего четыре дня после отправки запроса, в двери кузницы входит молодой, широкоплечий человек в пропыленном халате и кидает на стол тубус с печатью.

Уста Рашид замер с молотом в руке, уставившись на гонца:

— Да хранят тебя предки, путник! Ты что, с неба свалился? Я ждал тебя не раньше, чем через десять дней! Неужто ты летишь быстрее сокола?

Тимур, принимая из рук ученика кузнеца пиалу с прохладным кумысом, улыбнулся и ответил:

— Сокол, почтенный Уста, летит по прямой, куда ветер дует. А я иду путями, которые ветер не знает.

— Но как?! — не унимался кузнец. — Там же степь! Пустота! Опасности! Волки, степные коты, да и люди лихие встречаются. Ты как сквозь них проходишь?

— Волки, отец, на сытого коня не нападают, если их не трогать, — терпеливо, как ребенку, объяснял Тимур. — А лихих людей я вижу за полдня до того, как они увидят меня. Пыль из-под копыт выдает их, стаи вспугнутых птиц в небе — тоже. Степь — это не пустота. Это раскрытая книга. Просто не все умеют ее читать. А короткий путь... — он заговорщицки понизил голос, — это не всегда прямая линия. Иногда, чтобы прискакать быстрее, нужно знать, где старая переправа, о которой все забыли, или где в холме есть пещера, проходящая насквозь и сокращающая полдня пути.

Уста Рашид только покачал головой и сказал своим подмастерьям:

— Запомните этого человека. Он не просто гонец. Он — живая карта Великой Степи.

Слава о Тимуре, «Том, кто обгоняет ветер», катилась впереди него. В чайханах Отрара и на базарах Сарайчика говорили, что сам Бату-хан прослышал о гонце, который возит депеши

быстрее, чем летит почтовый голубь. Говорили, что в его жилах течет кровь древних степных духов, которые не позволяют ему заблудиться.

Но Тимур лишь посмеивался над этим. Сидя как-то вечером у костра с другими гонцами, один из них, молодой и завистливый Азамат, спросил его в лоб:

— Скажи, Тимур, в чем твой секрет? У тебя конь особенный? Или тебя шаман заговорил? Все мы гоним лошадей, все мы знаем степь. Но никто не может тягаться с тобой.

Тимур бросил в костер пучок сухой травы и, глядя на взметнувшиеся искры, ответил:

— Секрет прост, Азамат. Многие из вас смотрят на горизонт, но видят лишь линию. Я смотрю и вижу каждую балку, каждую сопку, каждое изменение ветра. Вы гоните коня, думая только о конечной цели. Я же думаю о том, как потратить меньше сил моего Ой-Барса, чтобы он мог скакать дольше. Моя сила не только в руках, — он постучал себя пальцем по виску. — Она здесь. Путь — это не просто дорога. Это загадка, которую нужно решить. И самая лучшая награда для меня — найти разгадку и увидеть удивление на лице того, кто меня не ждал.

Он поднялся, потянулся, и даже в этом простом движении чувствовалась его природная, звериная мощь. Никто из гонцов больше не завидовал ему. Они поняли: состязаться с ним — это как состязаться с самой степью. Можно попытаться, но победить невозможно.

Так Тимур превращал свое ремесло в искусство, прокладывая невидимые нити между городами и судьбами. Но Великая Степь не терпит покоя. И новые, куда более опасные приключения уже ждали его за ближайшим барханом...

Глава 5: Зов Белой Кости

Прошло два года. Имя Тимура, некогда бывшее просто именем, превратилось в титул. В караван-сараях его называли «Железный Гонец», а торговцы шептались, что сам хан Золотой Орды, великий Бату-хан, внук Потрясателя Вселенной, желает видеть этого необыкновенного человека.

И вот, однажды осенним утром, когда ковыль стал серебряным от первого инея, в юрту Тимура вошли два тургауда — ханских гвардейца в сверкающих доспехах. Их лица были бесстрастны, но голос звучал торжественно:

— Тимур, сын Бектура, ты призван пред очи Бату-хана, владыки Кипчакской степи, повелителя Западного крыла Великой Империи. Следуй за нами. Немедленно.

Мать Тимура побледнела, схватившись за сердце. Но сам он остался спокоен. Он знал: рано или поздно этот час настанет. Надев лучший халат и пристегнув к поясу верный нож, он вскочил на Ой-Барса и последовал за гвардейцами.

Ставка Бату-хана поражала воображение. Это был не просто лагерь, а огромный кочевой город из белоснежных юрт и шатров, над которыми развевались бунчуки — знамена из конских хвостов. В центре возвышался огромный, расшитый золотыми драконами шатер хана. Даже воздух здесь казался пропитанным властью и историей.

Когда Тимур вошел внутрь, его окружила торжественная тишина. Вдоль стен, крытых драгоценными коврами, сидели нойоны, беки и военачальники. А на возвышении, на троне, украшенном резьбой и самоцветами, восседал сам Бату-хан. Он был не так стар, но уже сед, с пронзительным, тяжелым взглядом человека, привыкшего повелевать народами.

Тимур, как положено, коснулся коленом ковра и склонил голову.

— Поднимись, — раздался глухой, но ясный голос Бату. — Дай мне посмотреть на того, о ком говорит вся моя степь.

Тимур выпрямился. Он не дрожал, но чувствовал, как сама атмосфера этого места давит на плечи. Бату-хан долго, изучающе разглядывал его.

— Мне доносят, — медленно заговорил хан, — что ты возишь мои указы быстрее, чем мои собственные соколы. Говорят, что в твоём теле живет **нечеловеческая выносливость**, а в твоих жилах течет не кровь, а расплавленная сталь. Это правда?

— Я всего лишь служу тебе, Повелитель, как умею, — ответил Тимур спокойно и с достоинством.

— Но *как* ты это делаешь? — Бату подался вперед, и его глаза хищно сузились. — У меня сотни гонцов. У них лучшие кони, им дают еду и воду на всех ямских станциях. Но никто не сравнится с тобой. И еще... говорят, ты умен. Не просто хитер, как лисица, а по-настоящему умен. **Твой ум остер, как копьё.** Откуда это у простого степняка?

Тимур на мгновение задумался. Говорить с ханом — все равно что идти по тонкому льду.

— Великий хан, — начал он, тщательно подбирая слова. — Степь научила меня читать ее знаки. Каждую тропу, каждый овраг, каждое облако. Мой конь для меня — не просто животное, а брат. Я не гоню его на смерть, а веду к цели. Что же до ума... — он позволил себе легкую улыбку, — в детстве я задавал слишком много вопросов. Старики сердились, а мой отец говорил: «Вопросы — это ключи, отпирающие сундуки мудрости». Я просто подобрал много ключей.

В шатре пронесся одобрителный шепот. Старый военачальник с обожженным солнцем лицом кивнул, поглаживая бороду. Бату-хан откинулся на троне и внезапно громко, хрипло рассмеялся.

— Хороший ответ! Мудрый и скромный. Именно такой человек мне и нужен.

Хан взмахнул рукой, и все разговоры мгновенно стихли. Он выдержал долгую, звенящую паузу, а затем заговорил уже совсем другим тоном — тихим, серьезным и каким-то... доверительным.

— Слушай меня внимательно, Тимур. То, что я скажу сейчас, — тайна, цена которой выше твоей головы. Мне нужно отправить послание в самое сердце империи. В Каракорум. Самому Великому Хану.

По шатру снова пронесся взволнованный гул. Каракорум! Столица мира, до которой тысячи и тысячи верст через степи, горы и пустыни.

— Это не просто письмо, — продолжил Бату. — В нем — судьба моего улуса. Я не могу доверить его почтовым станциям. Слишком много ушей, слишком много предателей. Нужен один человек. Один, но равный целой армии. Ты справишься?

На этот раз Тимур не раздумывал ни секунды. В его глазах, тех самых, что когда-то горели недетским огнем, вспыхнуло пламя настоящего приключения.

— Я справлюсь, Повелитель, — твердо сказал он. — Клянусь Вечным Синим Небом, я доставлю твое послание.

Бату-хан удовлетворенно кивнул и сделал знак слугам. Те вынесли тяжелый ларец. Хан лично открыл его.

— Здесь самое ценное, что у меня есть для тебя. Это не золото, хотя золота у тебя теперь будет вдоволь. Это — знание.

Из ларца хан извлек свернутые в тугие свитки карты. Они были сделаны из тончайшей кожи и покрыты загадочными значками и линиями.

— Это карты моего деда, Чингисхана. На них отмечены тайные караванные тропы, колодцы, о которых не знают чужаки, перевалы в Небесных горах. Вот охранная пайцза — золотая пластина с именем хана. С ней любая застава откроет тебе ворота. Вот туг — мой личный вымпел. При виде него каждый монгол обязан оказать тебе помощь. А вот это...

Хан бережно взял небольшой кожаный мешочек, расшитый серебряными нитями, и вложил его в руки Тимура.

— Здесь и есть то самое письмо. Оно зашито в подкладку. Если тебя схватят, ты должен успеть сжечь его. Если не сможешь — съешь его. Но оно не должно попасть в чужие руки. Ты понял?

— Понял, мой хан.

Бату-хан положил тяжелую руку на плечо Тимура и заглянул ему прямо в душу.

— Никто не должен знать, куда и зачем ты едешь. Поначалу тебя будет сопровождать отряд моих тургаудов — для отвода глаз, до границы улуса. А дальше... Дальше ты поедешь один. Только ты, твой конь и степь. Степь, которая станет твоим главным врагом и единственным другом. Да пребудет с тобой сила Чингисхана.

Глава 6: Дорога в бесконечность

Первые дни пути Тимур скакал в сопровождении десяти угрюмых гвардейцев. Они неслись как ветер, почти не разговаривая, и он чувствовал себя стрелой, выпущенной из тугого лука. Но у восточных рубежей Золотой Орды, где степь становилась суше и бескрайнее, отряд остановился.

— Дальше мы не едем, — сказал старший из гвардейцев. — Это уже не наша земля. Здесь начинается Восток. Пусть боги хранят тебя, Железный Гонец.

И они ускакали обратно, оставив Тимура одного. Абсолютно одного в сердце Великой Степи. Он посмотрел на восток. Горизонт был пуст и грозен. Впервые за долгое время Тимур почувствовал укол не страха, но благоговейного трепета. Это было приключение всей его жизни.

Испытания не заставили себя ждать.

Первой была Пустыня Голодных Песков.

Через три дня пути колодцы, указанные на старых картах, оказались высохшими. Солнце палило нещадно. Ой-Барс начал спотыкаться, а губы Тимура потрескались до крови. Любой другой на его месте повернул бы назад. Но его **нечеловеческая выносливость** была не только в теле, но и в духе. Он вспомнил слова старого кузнеца: «Человек крепнет от знаний».

Он не стал метаться в панике. Он спешился, успокоил коня и долго, очень долго изучал карту. А потом вспомнил рассказы караванщиков о «поющих барханах». Приложив ухо к раскаленному песку, он замер. И услышал. Где-то глубоко под землей, в водоносном слое, гудел, вибрировал песок. Он пошел на звук. Через полдня пути он нашел место, где нужно было копать. Вдвоем с Ой-Барсом они вырыли глубокую яму, и на дне ее начала собираться мутная, драгоценная вода.

— Мы живем, друг, — прошептал Тимур, обнимая коня за шею. — Мы живем.

Вторым испытанием стал горный перевал Небесных гор (Тянь-Шаня).

Узкая тропа, прилепившаяся к скале, осыпалась под копытами. Слева была отвесная стена, справа — бездонная пропасть, в которой клубился туман. Ветер выл, словно голодный зверь. Здесь его настигла метель, и снег слепил глаза так, что он перестал видеть даже уши своего коня.

И снова помог **острый и пытливый ум**. Тимур привязал себя к Ой-Барсу длинным арканом. Он знал: конь инстинктивно найдет твердую почву. Он полностью доверился своему четвероногому брату, отпустил поводья и просто прижался к его теплой шее, шепча старую степную молитву.

Ой-Барс, фыркая и осторожно ступая, медленно, шаг за шагом, провел его сквозь снежную бурю. Когда они спустились в цветущую долину по другую сторону хребта, Тимур упал на траву и долго смотрел в небо, смеясь и плача одновременно. Он перешел горы, которые считались непроходимыми для одинокого всадника.

Третьим испытанием стали люди.

Ближе к монгольским землям его выследила шайка разбойников — беглых воинов. Они окружили его в степи ночью, освещая его факелами. Главарь, кривой на один глаз детина в рваных доспехах, заорал:

— Эй, путник! Твой конь и твоя поклажа теперь наши! Молись своим богам!

Сила Тимура была велика, но этих было семеро. Он не стал хвататься за саблю. Вместо этого он громко, властно крикнул на языке, который понимали все — на языке великой империи:

— Смотрите!

Он выхватил из-за пазухи золотую пайцзу и поднял ее высоко над головой. Пламя факелов заиграло на золоте, высвечивая грозные письма.

— Я — гонец самого Бату-хана, повелителя Запада! — голос его гремел, как удар грома. — Посягнувший на меня посягает на самого хана! Хотите ли вы, чтобы ваши тела склевали вороны, а ваши семьи были проданы в рабство?!

Разбойники замерли. Имперский закон был жесток, но справедлив. И нарушать его не смел даже самый отчаянный головорез. Кривой главарь, побледнев, упал на колени, за ним — остальные.

— Прости, господин! Мы не знали! Мы думали, ты простой купец!

Тимур медленно убрал пайцзу. Его взгляд был холоден, как лед на горных вершинах.

— Дайте мне свежего коня, — приказал он. — И забудьте, что видели меня. Иначе гнев хана настигнет вас быстрее, чем моя тень.

Ему тут же привели лучшего жеребца из табуна разбойников. Теперь у него было два коня, и он мог скакать еще быстрее, не жалея Ой-Барса.

Глава 7: Столица Мира

После долгих, бесконечных дней пути, когда Тимур уже сбился со счета восходам и закатам, он наконец увидел это. На горизонте, посреди бескрайней равнины, поднималась не туча, а самый настоящий город. Но какой! Каракорум!

Он был окружен не каменной стеной, а огромным четырехугольником из глиняных валов и частокола. В центре высился чудовищных размеров серебряный фонтан в виде дерева, которое извергало из своих ветвей вино, кумыс и мед — чудо, созданное пленным французским мастером. Десятки тысяч юрт и глинобитных домов разбегались от центра во все стороны. Улицы были полны народа: здесь были китайцы в шелках, персидские купцы в высоких шапках, русские князья в мехах, арабские звездочеты, тибетские монахи и, конечно, закованные в броню монгольские воины.

Грохот кузнечных молотов смешивался с ревом верблюдов и разноязычной речью. Тимур, сам того не замечая, остановил коня и замер, словно громом пораженный. Он, степной человек, думал, что его ничем не удивить. Но это... это было за гранью воображения.

— Ой-Барс, — прошептал он, — мы дошли. Мы дошли до края света, и он оказался его центром.

Он направил коня к главным воротам. У входа его остановила стража — огромные воины в халатах из толстой кожи с нашитыми железными пластинами.

— Стой! Кто ты и зачем пожаловал в столицу?

Тимур устало, но с чувством огромного, переполняющего его торжества, поднял руку. В его пальцах был зажат кожаный мешочек с ханской печатью.

— Я — Тимур, гонец Золотой Орды, — сказал он, и голос его, хотя и охрипший от ветра, звучал твердо, как клинок. — У меня тайное и срочное послание от Бату-хана к самому Великому Хану Гуюку. Путь был долгим, но я его преодолел. Велите доложить обо мне немедленно.

Воины переглянулись. Они видели сотни гонцов. Но этот... в его глазах горел такой огонь, а на его пропыленном лице лежала такая печать невероятных испытаний, что они не посмели медлить.

— Следуй за нами, — сказал старший стражник, отступая в сторону и открывая проход.

Тимур тронул поводья. Его миссия, самая опасная и великая в его жизни, подходила к концу. Он выполнил обещание. Он обогнал сам ветер.

Что было в том тайном письме? Как встретили Тимура при дворе Великого Хана? Это уже совсем другая история, полная дворцовых интриг и новых, еще более опасных поручений. Но одно было ясно точно: мальчик с нечеловеческой выносливостью и пытливым умом навсегда вписал свое имя в летопись Великой Стены.

Глава 8: Серебряное Древо Каракорума

Два дня, проведенные Тимуром в столице мира, пролетели словно волшебный сон. Письмо Бату-хана было немедленно передано в руки личных телохранителей-кешиктенов старого Мункэ-хана, и Тимур впервые за долгие недели мог позволить себе просто дышать, есть и спать, не думая о погонях, жажде и смертельных перевалах.

Его поселили в гостевом квартале, где останавливались послы и знатные путники. Это была просторная юрта, крытая плотным белым войлоком, с жаровней внутри и грудями мягких подушек. Но Тимур, чья душа требовала открытого неба, почти не сидел внутри.

Он бродил по Каракоруму, и с каждым шагом его **острый и пытливый ум** впитывал новые знания, как сухая земля впитывает весенний дождь. Он видел мастеров, которые плавил железо в огромных печах, отделанных китайским кирпичом. Он заходил в лавки персидских купцов, вдыхая запахи мускуса, шафрана и неведомых пряностей. Он слушал, как арабский звездочет объясняет юному монгольскому нойону движение небесных сфер.

Однажды, сидя у знаменитого Серебряного Древа — фонтана, извергающего из львиных пастей кумыс, вино, мед и рисовую брагу, — Тимур разговорился с пожилым уйгурским писцом.

— Ты ведь тот самый гонец из улуса Джучи, верно? — спросил писец, протирая запотевшие очки. — О тебе уже говорят на базаре. Говорят, ты приехал один, без охраны. Через Голодные Пески и перевалы Тянь-Шаня. Это правда?

— Правда, — кивнул Тимур, отпивая терпкий кумыс из глиняной пиалы.

— Но как? — писец даже отложил свою кисть. — Я путешествовал с караваном, с охраной в пятьдесят сабель, и мы едва не погибли от жажды в той пустыне! А ты один...

Тимур улыбнулся и, как когда-то в кузнице Уста Рашида, начал объяснять. Он рассказал о «поющих барханах», о том, как ветер создает вибрацию в глубинных водоносных слоях. Писец слушал, раскрыв рот, а потом вдруг схватил чистый лист бумаги и принялся быстро записывать.

— Это бесценно! — бормотал он. — Это нужно сохранить для потомков!

А в другой раз Тимур оказался у загона с лошадьми императорской почтовой службы — той самой знаменитой «ям», что опутала всю империю. Местные смотрители, гордые и надменные, сначала не хотели пускать чужака. Но когда он заговорил о лошадях — об их нравах,

о том, как по форме копыта определить выносливость, а по блеску глаз — здоровье, — их лица смягчились.

— Ты понимаешь коней, — сказал старый смотритель с обветренным лицом. — Это редкий дар. Откуда ты родом, парень?

— Из степей за Итилем, — ответил Тимур. — Там конь — твой брат, твой дом и твоё спасение.

— Оставайся с нами на ужин, — предложил смотритель. — Расскажешь о своих лошадях. У нас таких не видели.

И Тимур остался, делясь историями о Лунном Барсе — Ой-Барсе, который ждал его сейчас в ханской конюшне, отъедаясь отборным зерном после долгого пути.

Глава 9: Аудиенция у Владыки Мира

На третий день, когда Тимур уже начал задумываться об обратной дороге, в его юрту вошли два кешиктена в блестящих доспехах. Их лица были бесстрастны, но голоса звучали почтительно.

— Тимур из улуса Джучи, тебя желает видеть Великий Хан Мункэ, Владыка Вселенной. Следуй за нами.

Сердце Тимура екнуло. Он знал, что его могут позвать, но все равно это было подобно удару грома. Сам Великий Хан! Тот, кто правит землями от Желтого моря до берегов Итиля!

На этот раз его вели не в главный шатер для приемов, а в личные покои хана — просторную, но скромно обставленную юрту в глубине дворцового комплекса. Внутри было тепло и тихо. Пахло сандаловым деревом и степными травами. На груди подушек, укрытый меховым одеялом, сидел сам Мункэ-хан.

Он был стар. Годы и бесконечные походы оставили на его лице глубокие морщины. Но глаза — темные, блестящие, пронизательные — горели живым, цепким умом. Рядом с ним не было ни пышных советников, ни толпы слуг. Только он и его личный писец, неслышно сидевший в углу.

Тимур, как положено, преклонил колено и склонил голову. Мункэ-хан долго, молча разглядывал его, а затем заговорил. Голос его был сухим, как осенняя трава, но в нем чувствовалась огромная, сдерживаемая сила.

— Поднимись, гонец. Подойди ближе.

Тимур повиновался. Теперь он стоял всего в нескольких шагах от самого могущественного человека на земле.

— Я прочитал письмо моего племянника Бату, — медленно произнес Мункэ. — И проверил дату, которую он поставил. — Хан взял с низкого столика свиток и покачал головой. — Скажи мне, Тимур, это правда? Ты действительно прошел путь от ставки Бату до Каракорума за тридцать семь дней? Один?

— Правда, Великий Хан, — спокойно ответил Тимур.

— Моя собственная ямская служба, с ее сменными лошадьми и станциями, тратит на этот путь сорок пять дней в лучшем случае. Ты обогнал имперскую почту. Как? — В голосе Мункэ звучало не недоверие, а жгучее, почти детское любопытство. — Я знаю карты. Я сам ходил теми тропами в молодости. Расскажи мне. Расскажи все.

И Тимур рассказал. Он говорил не как слуга перед господином, а как один знаток степи перед другим. Он рассказал о колодцах, которых нет на картах, но которые можно найти по пению песков. Он описал, как пересекал Тянь-Шань не по главному перевалу, где его ждали бы заставы и расспросы, а по древней, заброшенной тропе, которую показал ему когда-то старый караванщик. Он рассказал о разбойниках и золотой пайцзе, о буране, где он привязал себя к коню.

Мункэ-хан слушал не перебивая. Иногда он кивал, иногда хмурился, вспоминая свои собственные переходы. Когда Тимур закончил, в юрте повисла долгая тишина.

— Знаешь, — наконец заговорил Мункэ, — мой дед, Чингисхан, говорил: «Величайшее сокровище — это не золото и не стада, а верные и умелые люди». — Он пристально посмотрел на Тимура. — Ты не просто умелый. В тебе есть три редчайших дара: **нечеловеческая выносливость**, о которой слагают легенды, **природная сила**, которая помогла тебе выжить там, где погибли бы другие, и **острый ум**, способный находить путь там, где его нет. Такие люди рождаются раз в сто лет.

Тимур молчал, не зная, что ответить на такую похвалу. А Мункэ вдруг улыбнулся — тепло, почти по-отечески.

— Ты, наверное, уже думаешь о возвращении? Хочешь везти ответ Бату?

— Да, Великий Хан, — признался Тимур. — Я готов отправиться хоть завтра.

— Не беспокойся об этом, — Мункэ махнул рукой. — Ответное письмо уже готово. Но повезут его мои люди. А ты... останься у меня еще на несколько дней. Отдохни как следует. Посмотри город. Слишком долго ты был один в степи.

Тимур хотел возразить — долг гонца звал его в дорогу, — но спорить с Великим Ханом было немислимо. Он лишь склонил голову в знак согласия.

Глава 10: Новое назначение

Прошло еще три дня. Тимур уже начал томиться бездельем, когда его снова позвали к хану. На этот раз Мункэ выглядел более оживленным и говорил без долгих предисловий.

— Я наблюдал за тобой эти дни, Тимур, — сказал он. — Ты не просто отдыхал. Ты изучал мой город. Ты говорил с писцами, кузнецами, зрителями конюшен. Ты расспрашивал про местные пастбища, про горы и реки. Твой ум не знает покоя.

— Это правда, — признался Тимур. — Мне все интересно. Это новые земли. Новая... культура.

— Вот именно, — Мункэ подался вперед. — Ты умеешь не просто быстро скакать. Ты умеешь понимать. Адаптироваться. Находить общий язык с кем угодно. И ты знаешь, как устроена земля под копытами твоего коня. Такие люди нужны здесь.

Тимур замер. Он начал догадываться, к чему идет разговор.

— Я предлагаю тебе остаться в Каракоруме, — прямо сказал Мункэ. — Работай на меня. Ты будешь возить мои указы в самые дальние уголки империи. Там, где обычные гонцы беспомощны. Ты станешь моими глазами и ушами. Ты будешь не просто курьером — ты будешь личным посланником Великого Хана.

У Тимура перехватило дыхание. Остаться? В Каракоруме? Служить самому Владыке Вселенной? Это означало навсегда покинуть родные степи, забыть о возвращении в улус Джучи, поставить на карту все.

Но его сердце, всегда жаждущее приключений, уже дало ответ.

— Я согласен, Великий Хан, — твердо сказал он. — Это великая честь для меня.

Мункэ-хан кивнул, словно ожидал именно такого ответа, и хлопнул в ладоши. Слуги внесли новый халат из тонкого синего шелка — цвета Вечного Неба — и вручили Тимуру серебряную пайцзу с личным знаком Мункэ-хана, которая давала ему власть над всеми почтовыми станциями от Маньчжурии до Персии.

— С этого дня, — провозгласил Мункэ, — ты больше не принадлежишь Золотой Орде. Ты служишь Всей Империи. Да оправдаешь ты мое доверие.

Глава 11: Крылья Империи

Так начался новый этап в жизни Тимура. Теперь его домом был Каракорум, а его пастбищем — вся Великая Монгольская Империя, от края и до края.

Он быстро доказал, что Мункэ не ошибся. Первое же задание — доставить указ в отдаленный гарнизон на границе с Тангутским царством — он выполнил вдвое быстрее срока. Его методы снова удивляли: он не скакал напролом, а находил скрытые горные тропы, известные лишь местным кочевникам. С каждой новой поездкой он тщательно изучал ландшафт, наносил на свою растущую коллекцию карт новые пометки, запоминал каждый колодец, каждую переправу, каждую удобную для ночлега долину.

Но теперь он делал нечто большее, чем просто возил письма. Он впитывал **культуру**. В Персии он научился понимать фарси и оценил искусство восточных миниатюр. В Китае, куда его однажды отправили с дипломатической миссией, он поражался сложной системе каналов и мостов. Он расспрашивал китайских инженеров о том, как они строят дороги. Он запоминал все.

Как-то вечером, сидя с другими гонцами в караван-сараях где-то на Шелковом пути, один из них спросил его с завистью:

— Тимур, теперь ты — легенда. Сам Великий Хан тебя жалует. Ты быстро поднимаешься. Твоя карьера взлетела, как сокол. В чем теперь твой секрет?

Тимур, глядя на звезды, ответил:

— Я просто остаюсь собой. Мне по-прежнему интересно все. Каждая новая дорога, каждый новый язык, каждый новый человек — это загадка. А я люблю загадки. И еще... — он повернулся к собеседнику, и в его глазах отразился свет костра, — я никогда не забываю, с чего начал. С мальчика, который просто любил лошадей и далеко ускакал от дома, но всегда находил дорогу обратно. Просто теперь мой дом стал немного больше. Теперь мой дом — вся империя.

Он поднялся, потянулся, и даже в этом простом движении чувствовалась все та же природная сила, что была у него в детстве. Только теперь к ней прибавилась мудрость и опыт.

Карьера его действительно стремительно шла вверх. Из простого курьера он превращался в доверенное лицо хана, человека, чье имя знали во всех уголках Великой Степи. И никто уже не удивлялся, что он так быстр. Потому что для Железного Гонца не было ничего невозможного.

Так Тимур, некогда простой мальчик из заволжских степей, стал одним из тех, на ком держалась связь огромной империи. Но его история только начиналась. Впереди его ждали дворцовые интриги, опасные заговоры и поручения, от которых зависела судьба целых народов. Однако это уже совсем другая глава...

Глава 12: Зрелость Железного Гонца

Время неумолимо, как течение Итиля. Тридцать зим и тридцать летних солнцестояний минуло с тех пор, как Тимур появился на свет в простой кочевой юрте. Теперь это был уже не тот пылкий юноша, что когда-то поразил Бату-хана своей дерзостью, и не тот восторженный странник, что замирал перед Серебряным Древом Каракорума. Тридцать лет — возраст, когда мужчина входит в полную силу, когда тело еще крепко, а разум уже отточен годами испытаний.

Нечеловеческая выносливость никуда не исчезла — она лишь обрела новое качество. Теперь Тимур мог скакать трое суток без сна, а потом, спешившись, вести долгие переговоры с удельными князьями, не выказывая ни капли усталости. **Природная сила** стала более сдержанной, управляемой — он не тратил ее попусту, но когда требовалось, мог одним ударом сабли перерубить толстый аркан или вытащить увязшую в болоте лошадь.

Но главное, что изменилось — это его **острый и пытливый ум**. За годы службы у Мункэ-хана, а теперь у нового правителя Ариг-Буги, Тимур превратился в настоящего мудреца. Он не просто знал — он понимал.

Особенно его увлекло небо. Еще в детстве он находил дорогу по звездам, но теперь это стало настоящей наукой. В долгих странствиях он подружился с одним старым арабским астрономом по имени Абдулла, который путешествовал с караваном в Китай. Тот научил его читать небесную книгу.

— Смотри, Тимур, — говорил Абдулла, указывая на ночное небо, усыпанное мириадами светил. — Вот это — Полярная звезда. Она всегда указывает на север. Моряки зовут ее Путеводной. Но есть и другие секреты.

— Какие? — Тимур, как и в детстве, загорался любопытством.

— Видишь это созвездие? Арабы называют его «Верблюдица», а греки — «Большая Медведица». Если провести линию через два этих светила и продолжить ее вверх, ты найдешь Полярную звезду. Но это лишь начало.

Старик показал ему, как определять время по движению звезд, как предсказывать погоду по цвету заката, как ориентироваться по луне. Тимур впитывал эти знания, как губка. Вскоре он знал названия и расположение десятков звезд и созвездий, мог определить широту по высоте Полярной звезды над горизонтом и даже предсказывать сезонные ветры.

Но еще больше его восхищало солнце. Он научился передвигаться по нему с точностью, которой позавидовал бы любой навигатор.

— Солнце, — объяснял он как-то молодому гонцу, — лучший компас. Утром оно на востоке, в полдень — на юге, вечером — на западе. Но даже в пасмурный день можно понять, где оно. Смотри на тени — даже самая слабая тень укажет направление. Смотри на мох на камнях — он всегда растет с северной стороны. Смотри на муравейники — их южный склон всегда положе.

Молодой гонец смотрел на него с благоговением:

— Ты знаешь все, Тимур-ага. Ты словно сам стал частью природы.

Тимур усмехался в ответ:

— Я лишь научился ее слушать.

Так он и жил — мудрый, сильный, неутомимый. Ариг-Буга, занявший престол после смерти Мункэ, ценил его не меньше предшественника. И однажды, в год, когда на небе появилась хвостатая звезда, предвещающая великие перемены, хан вызвал его к себе.

Глава 13: Поручение на Восток

Ариг-Буга, младший сын Толюя, был человеком сложной судьбы. Его власть оспаривал брат Хубилай, и империя трещала по швам. Но пока что Каракорум оставался его столицей, и он правил железной рукой.

В тот день он принял Тимура в малом зале, обставленном походными трофеями. Хан был мрачен и сосредоточен. Перед ним на низком столике лежал свиток, перевязанный золотым шнуром с печатью.

— Тимур, — начал он без предисловий, — ты служил моему брату Мункэ верой и правдой. Теперь служишь мне. Я знаю, что могу тебе доверять.

— Это честь для меня, Повелитель, — Тимур склонил голову.

— Мне нужно отправить послание далеко на восток. — Ариг-Буга развернул перед ним карту. — Смотри. Вот Каракорум. Вот пустыня Гоби. А вот здесь, за горами и реками, лежит земля, которую называют Корё. Высокие горы, густые леса, и — я слышал — бескрайнее море, о котором мы, степняки, ничего толком не знаем.

Тимур внимательно изучал карту. Корё. Он слышал это название от купцов на базаре. Далекая страна на самом краю обитаемого мира.

— Там правит местный ван — король, — продолжал хан. — Они платят дань нашей империи, но в последнее время их послы задерживаются, а чиновники проявляют дерзость. Мне нужно напомнить им, кто истинный хозяин земель от восхода до заката. Вот письмо, — он протянул Тимуру знакомый кожаный тубус с печатью. — Ты должен доставить его лично в руки правителю. Справишься?

Тимур взял тубус и улыбнулся уголками губ. За десять лет службы он слышал этот вопрос сотни раз.

— Справлюсь, Повелитель. Когда прикажешь выезжать?

— Немедленно, — ответил Ариг-Буга. — Возьми лучших коней. Путь неблизкий. И запомни: мне нужен не просто гонец. Мне нужны твои глаза и твой ум. Осмотрись там. Узнай, чем живут эти люди, сильна ли их армия, крепки ли стены их городов. Я хочу знать все.

— Будет исполнено, — Тимур прижал руку к груди и, пятясь, покинул зал.

Уже через час он сидел в седле. Ой-Барс, его верный друг, давно состарился и теперь пасся на покое в ханских конюшнях, а под Тимуром гарцевал его сын — Ой-Буран, Снежный Барс, такой же вороной, выносливый и преданный. Запасной конь бежал рядом на длинном поводу.

Путь на восток начался.

Глава 14: Страна Утренней Свежести

Дорога в Корё заняла у Тимура почти месяц. Он пересек пустыню Гоби, ориентируясь по солнцу днем и по звездам ночью, избегая разбойничьих засад и находя воду там, где другие погибли бы от жажды. Он миновал горные перевалы, где ветер выл как стая волков, и густые леса, полные незнакомых зверей и птиц.

Но вот наконец перед ним открылась страна, которую местные жители называли «Землей Утренней Свежести».

Корё поразил его с первого взгляда. После бескрайних степей и пустынь здесь все было другим. Воздух был влажным и густым, пропитанным запахом цветов и неведомых трав. Горы, покрытые изумрудной зеленью, вздымались к небу острыми пиками. Деревья, каких он никогда не видел, склоняли ветви над чистыми реками. А люди... люди здесь ходили в странных одеждах из тонких тканей, кланялись друг другу при встрече и говорили на певучем, незнакомом языке.

Но Тимур был опытен. Он знал, как найти общий язык с кем угодно. В приграничном городе он разыскал местного переводчика — пожилого купца по имени Ли Сан, который когда-то торговал с монголами и знал их язык.

— Мне нужно в столицу, — объяснил Тимур. — К вашему правителю. У меня послание от Великого Хана.

Ли Сан, низко кланяясь, ответил:

— Я провожу тебя, господин. Наш ван, король Вонджон, находится в главном дворце в Кэсоне. Это несколько дней пути.

Через три дня они достигли Кэсона — столицы Корё. Город был окружен каменной стеной с высокими воротами, украшенными резными драконами. Улицы были вымощены камнем, а дома крыты черепицей причудливой формы. Повсюду сновали люди в белых и цветных одеждах, несли корзины с рыбой и рисом, торговались на рынках.

Тимура, как посланника императора, приняли с почестями. Его провели во дворец — огромный деревянный комплекс с изогнутыми крышами и садами, где журчали искусственные

ручьи. Король Вонджон, человек с тонкими чертами лица и длинной седой бородой, восседал на низком троне в зале, украшенном шелковыми свитками.

Тимур, соблюдая дипломатический этикет, преклонил колени и протянул письмо. Ван принял его обеими руками — знак уважения — и передал советнику. Церемония была короткой и официальной.

— Передай Великому Хану, — произнес ван через переводчика, — что Корё остается верным вассалом. Мы пришлем дань в срок.

Тимур кивнул, но его мысли уже были далеко. За время аудиенции он успел оценить и охрану дворца, и поведение придворных, и общую атмосферу. Свой доклад Ариг-Буге он уже начал составлять в уме.

Глава 15: Великая Вода

После аудиенции Тимур не стал спешить с отъездом. Хан велел ему «осмотреться», и он намеревался выполнить приказ с присущей ему тщательностью. Он бродил по Кэсону, изучал рынки, расспрашивал купцов. Но однажды Ли Сан сказал ему нечто, что заставило его сердце биться чаще.

— Господин, ты видел многое в наших землях. Но я заметил, ты ни разу не был у Великой Воды.

— Великой Воды? — Тимур нахмурился.

— Моря, — пояснил переводчик. — Ты знаешь, что такое море?

Тимур слышал о море. Огромное водное пространство, о котором говорили персидские купцы. Но он, степняк до мозга костей, никогда его не видел.

— Отведи меня туда, — сказал он, и в его голосе прозвучала та же мальчишеская жажда приключений, что когда-то гнала его в далекие степи.

Они поехали на запад, к побережью. Дорога заняла два дня. И когда они наконец достигли берега, Тимур замер, пораженный до глубины души.

Перед ним раскинулось Желтое море.

Воды не было видно конца и края. Она сливалась с небом где-то далеко на горизонте, образуя единую, бескрайнюю синеву. Волны, одна за другой, накатывали на песчаный берег с мерным, величественным шумом. В воздухе пахло солью и чем-то незнакомым, свежим, будоражащим. Ветер здесь был совсем другим — влажным, порывистым, соленым.

Тимур слез с коня и подошел к самой кромке воды. Волна лизнула его сапоги, и он вздрогнул — вода была прохладной и живой. Он присел на корточки, зачерпнул ее ладонью и попробовал на вкус.

— Соленая, — сказал он удивленно.

— Это море, господин, — кивнул Ли Сан. — Оно всегда соленое.

Тимур долго стоял, глядя в бескрайнюю даль. Его разум, всегда жадный до нового, работал с невероятной скоростью. Он вспомнил рассказы о морских путешествиях, о далеких островах и неведомых землях. Он, человек степи, привыкший к тому, что горизонт всегда достижим на коне, вдруг осознал: есть миры, куда конь не дойдет никогда.

На горизонте показались какие-то темные точки. Они приближались, и вскоре Тимур смог их разглядеть. Это были корабли.

Глава 16: Плавающие Крепости

Тимур застыл, не в силах оторвать взгляд. По морю, разрезая волны, шли три корабля. Их паруса, огромные, похожие на крылья гигантских птиц, были надуты ветром. Корпуса, изогну-

тые и украшенные резьбой, поднимались над водой, словно плавающие крепости. На палубах сустились люди, маленькие, как муравьи, по сравнению с размерами судов.

— Что это? — выдохнул Тимур, чувствуя, как его сердце колотится в груди.

— Это корабли, господин, — объяснил Ли Сан. — Торговые суда. Они ходят в Китай и еще дальше на юг, к островам пряностей.

— Как они держатся на воде? — Тимур не мог оторвать взгляда. — Они же огромные. Из дерева. А железо не тонет?

— Это искусство, господин. Наши мастера строят их так, что вода держит их, словно рука великана.

Тимур шагнул ближе к воде. Его **острый и пытливый ум** уже начал свою работу. Он изучал форму корпусов, расположение парусов, то, как матросы управляют с веревками. Он видел, что корабли идут не по прямой, а под углом к ветру — как же это работает?

— Я должен узнать больше, — пробормотал он себе под нос.

Он нашел рыбацкую деревню неподалеку. Местные рыбаки, загорелые и обветренные, смотрели на странного монгола с любопытством и опаской. Но Тимур, как всегда, нашел подход. Он заговорил с ними через Ли Сана, расспрашивая о море, о кораблях, о том, как они строятся и как ходят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.